

Расстройства личности у подростков-правонарушителей как прогностический показатель криминальной активности

ПЕРЕЖОГИН Л.О. ФГУ «ГНЦ Социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского»

Описывается клиническая патогенетическая связь между расстройствами личности и криминальным поведением у несовершеннолетних. Описаны клиничко-психопатологические и патопсихологические особенности несовершеннолетних с расстройствами личности, этапы формирования аномальной личностной структуры, последовательность развития устойчивого криминального поведения.

Ключевые слова: дети, подростки, криминальное поведение, расстройства личности, социальная адаптация, расстройства поведения

Введение

В современной психиатрии, как в России, так и за рубежом, господствует представление, что расстройства личности (personality disorders), хотя и начинаются в детском или подростковом возрасте, могут диагностироваться только у взрослых, поскольку речь идет прежде всего об аномальной зрелой личности. Статистические исследования свидетельствуют об обратном: расстройства личности имеют тенденцию выявляться в ранней молодости и нивелироваться с возрастом [6, 9]. Несмотря на то, что МКБ-10 [4] допускает диагностику расстройств личности у подростков, психиатры традиционно диагностируют до периода совершеннолетия другие формы психических расстройств, например, эмоциональные расстройства и расстройства поведения, начинающиеся в детском и подростковом возрасте (F90—98) [3]. Однако у данных состояний совершенно иной социальный и клинический прогноз. Статистические исследования показывают, что для расстройств личности характерно криминальное поведение [8]. Напрашивается вывод: чем более глубоко расстройство личности (независимо от его типа), тем более выражено нарушение адаптации и связанный с ним асоциальный радикал в поведении. Поскольку расстройство личности формируется в подростковом возрасте, то для несовершеннолетних с личностной патологией риск асоциального поведения должен быть исключительно высоким. Кроме того, подлежит проверке гипотеза, что личностные расстройства часто являются пусковым механизмом для криминального поведения несовершеннолетних.

Объект и методы исследования

Обследованы 292 несовершеннолетних правонарушителя. Контрольную группу (116 человек) составили школьники сопоставимого возраста. Было выделено 5 диагностических групп. Группу 1 составили несовершеннолетние, обнаружившие стойкие личност-

ные аномалии, расстройства поведения (предположительно — формирующиеся расстройства личности). В группу 2 включены подростки, полностью удовлетворяющие критериям расстройств личности (F60 — F62, кроме F60.2, по МКБ-10). В группу 3 вошли дети с умственной отсталостью легкой степени выраженности (F70, F70.1, F70.8, по МКБ-10). В группу 4 включены подростки-правонарушители с органическим поражением головного мозга (раннего, травматического, интоксикационного генеза) (F07.0, F07.8). В группу 5 попали психически здоровые несовершеннолетние. Группа 6 — контрольная (подростки психически здоровы и не совершали правонарушений).

Основной метод исследования — клиничко-психопатологический. Использовались данные экспериментально-психологического исследования с применением методик, направленных на оценку памяти, мышления, интеллекта (метод Векслера), личностных особенностей (ММРП — подростковая версия), агрессивности. Использовалась «Нормированная шкала диагностики волевых расстройств» [7], вопросник которой был адаптирован для работы с несовершеннолетними. Статистическая обработка материала проведена в соответствии с ГОСТ 11.004-74 и ГОСТ 11.006-74.

Результаты исследования

Средний возраст обследованных составил 13,5, 14,0, 13,5, 13,4, 13,4, 13,6 года по группам соответственно. Для всех групп несовершеннолетних были характерны высокая доля сирот и подростков, лишенных родительского попечения, частая встречаемость криминального поведения среди ближайшего окружения (отцы, братья), и обусловленное этим фактом толерантное отношение к противоправному поведению в семье, внутрисемейные конфликты (связь криминального поведения и социальной картины семьи отражена в табл. 1).

Во всех группах отмечена внутрисемейная патология. Среди психических расстройств доминировал алкоголизм. Им страдали 57,1% отцов и 57,1% матерей в группе 1, 41,7% отцов и 25,0% матерей в группе 2, 41,2% отцов и 35,3% матерей в группе 3, 57,6% отцов и 42,9% матерей в группе 4, 32,4% отцов и 13,5% матерей в группе 5 (10,3% отцов и 0,0% матерей в контрольной группе). Большинство несовершеннолетних правонарушителей воспитывались в неполных семьях, в том числе — без матери, преобладающим стилем воспитания являлась гипоопека (51,8%, 45,8%, 41,2%, 61,9%, 32,4% по группам 1—5 против 2,6% в контрольной группе), отмечался крайне высокий уровень внутрисемейного насилия, насилие в семье носило более выраженный характер, чем внесемейное, что часто вынуждало подростков к бегству из дома. Среди взрослых из ближайшего окружения (соседи, педагоги, родители одноклассников) данные подростки имели репутацию хулиганов, нарушителей дисциплины, «малолетних преступников». Связь особенностей воспитания в семье и криминальной активности отражена в табл. 2.

Среди подростков с формирующимися расстройствами личности и психически здоровых достоверно чаще встречались лидеры неформальных групп, подростки с когнитивным дефицитом, напротив, выполняли роли отверженных, подчиненных. Многие из них держались на расстоянии от подростковой группы, но все-таки не отделялись от нее.

Большинство подростков (92,9%, 100,0%, 76,5%, 88,1%, 97,3% по группам 1—5 соответственно, 100,0% в контрольной группе) умели читать и писать. Запас школьных знаний соответствовал официальному уровню образования у 8,9%, 29,2%, 0,0%, 11,9%, 45,9%*, 69,8%* по группам соответственно. С одной стороны, у подростков отмечалось негативное отношение к обучению, многие не видели никакого смысла в получении образования, поскольку считали, что школьные знания мало пригодятся им во взрослой жизни. Среди подростков групп 1-4 были дети, которые никогда не посещали школу (7,1%, 4,2%, 11,8%, 9,5% по группам соответственно), а 5,4% в группе 1, 41,2%* в группе 3, 4,8% в группе 4 посещали вспомогательные школы (8 типа). С другой стороны,

Таблица 1

Связь ситуации в семье с криминальным поведением подростков (%)

Факторы	Группы					
	1	2	3	4	5	Контроль
Социальное сиротство	19,6	4,1 [^]	47,1*	23,8	10,8	0 [^]
Хорошие отношения в семье	30,4	58,3	23,5 [^]	45,2	62,1	89,7*
Конфликтные отношения в семье	41,1	37,5	29,4	23,8	24,3	9,5 [^]
Подростки никогда не посещали школу	7,1	4,2	11,8*	9,5	0	0
Подростки неграмотны	7,1	0	23,5*	11,9	2,7	0
Подростки работают	10,7	29,2*	5,8 [^]	11,9	18,9	6,9
Подростки попрошайничают	46,4	12,5 [^]	70,5*	28,6	13,5	0 [^]
Подростки совершают преступления	60,7*	33,3	88,2*	54,8	29,7	0 [^]

Примечание. * — достоверное ($t \geq 2$, $P \leq 0,05$) превышение показателей других групп; [^] — достоверно более низкие показатели

Таблица 2

Связь условий воспитания и социальной активности подростков (%)

Факторы	Группы					
	1	2	3	4	5	Контроль
Воспитывались без отца	62,5	54,2	47,1	61,9	51,4	25,0 [^]
Воспитывались без матери	19,6	8,3 [^]	45,0*	23,8	16,2	0,9
Воспитание по типу гипоопеки	51,8	45,8	41,2	61,9	32,4	2,6 [^]
Отвержение в семье	14,3	4,1 [^]	17,6*	7,1	5,4	0
Насилие в семье	41,1	33,3	46,5*	38,1	24,3	10,3
Подростки избегают игр	7,1	25,0	41,2*	21,4	0	0
Подростки — подчиненные в группе	12,5	16,7	58,8*	16,7	10,8	0 [^]
Подростки систематически совершают преступления	60,7*	33,3	88,2*	54,8	29,7	0 [^]

Примечание. * — достоверное ($t \geq 2$, $P \leq 0,05$) превышение показателей других групп; [^] — достоверно более низкие показатели

подростки хотели иметь как можно больше денег, считая их главным критерием социального успеха. При этом лишь 10,7% в группе 1, 29,2%* в группе 2, 5,8%* в группе 3, 11,9% в группе 4, 18,9% в группе 5, 6,9% — в контрольной группе пытались их заработать — мыли автомобили, разносили рекламные материалы, выполняли черную работу на рынках, грузили товар на складах. Предпочтительными источниками дохода являлись попрошайничество и криминальный заработок. Преобладание криминальных способов заработка (преимущественно систематические кражи, например, из автомобилей, с пустующих дач, грабежи) было характерно для 60,7%* подростков в группе 1 и 88,2%* — в группе 3 против 33,3%, 54,8%, 29,7% по группам 2, 4 и 5. Как следствие, в группе 1 преобладали подростки (37,6%), совершившие более 3 уголовно наказуемых деяний (максимальное количество — 17) и 2—3 правонарушения (35,7%), в группе 3 — 2—3 правонарушения (41,1%) и более 3 (29,5%). Следует отметить, что роли подростков из 1 и 3 групп существенно различались: первые были организаторами и самостоятельными исполнителями криминальных действий, в то время как вторые выполняли указания лидеров группы (в том числе взрослых преступников), а порой их просто оставляли на месте преступления для отвлечения внимания сотрудников милиции или охраны. Преступления против собственности совершили 87,5%, 75,0%, 94,1%, 80,9%, 83,8% подростков по группам 1—5. На втором месте в группах 1—4 стояли преступления против общественной безопасности — 16,1%, 16,7%, 11,8%, 9,5%, а в группе 5 — преступления против жизни и здоровья (убийства, телесные повреждения) — 21,4%. Только в 1, 2 и 5 группах были зафиксированы преступления против половой неприкосновенности (изнасилования, сексуальные действия насильственного характера), но их доля была невелика (3,5%, 4,2%, 5,4%). Доля преступлений, связанных с насилием, была выше в группах 4 (28,6%) и

5 (24,3%) и ниже всего — в группе 3 (11,8%). В группах 1 и 3 среди потерпевших преобладали незнакомые люди (69,6% и 70,6%) и не физические лица (например, кражи из магазинов) (50,0% и 52,9%), в то время как в группах 4 и 5 — знакомые и родственники (47,6%* и 45,9%*). Для подростков первой группы были характерны однородные преступления, своего рода «криминальный почерк». Характер криминальной активности отражен в табл. 3.

Особый интерес представляет распределение преступлений против собственности по оси «присвоение собственности — уничтожение собственности» (см. показатель КК («корыстный коэффициент») в таблице 3). Здоровые правонарушители, подростки с расстройствами личности совершали преступления в основном ради выгоды, в то время как умственно отсталые и подростки с органическим поражением головного мозга — как ради выгоды, так и для удовлетворения деструктивных влечений, в том числе в рамках клинически очерченных эмоционально-поведенческих расстройств, включая дисфорические состояния. В группе 1 правонарушения носили в основном спланированный характер. Мотивация правонарушений отражена в табл. 4.

Около 30% несовершеннолетних правонарушителей обнаруживали склонность к выраженным колебаниям настроения (32,1%, 33,3%, 29,4%, 26,2% по группам 1—4, в группе 5 — 2,7%*), более половины обнаруживали нарушения внимания (55,4%*, 70,8%, 76,5%, 71,4%, 56,8%* по группам 1—5, 26,8%* в контрольной группе). Мышление подростков-правонарушителей отличалось конкретностью (66,1%, 62,5%, 52,9%, 52,4%, 35,1% по группам 1—5), иногда — субъективными трактовками или привнесениями (максимальный показатель — 9,5% в группе 4), редко — символичностью (максимальный показатель — 7,1% в группе 4). Часто встречались индивидуальные привнесения (30,4%, 33,3%, 17,6%, 16,7%, 16,2% по группам

Таблица 3

Криминальная активность несовершеннолетних (%)

Факторы	Группы					
	1	2	3	4	5	Контроль
Привлечены к ответственности до 14 лет	85,7	75,0	94,1	85,7	75,7	—
Привлекались впервые	19,6 [^]	41,7	23,5	40,5	56,8*	—
Преступления против собственности	87,5	75,0	94,1	80,9	83,8	2,6 [~]
Против общественной безопасности	16,1	16,7	11,8	9,5	18,9	4,3 [~]
Против жизни и здоровья	10,7	8,3	5,9	13,5	21,4*	1,7 [~]
Сексуальные преступления	3,5	4,2	0	0	5,4	—
Корыстный коэффициент (КК)	2,27	2,0	1,83	1,52	2,5	—

Примечание. * — достоверное ($t \geq 2$, $P < 0,05$) превышение показателей других групп; [^] — достоверно более низкие показатели; [~] — привлечение к административной ответственности в контрольной группе; КК — отношение эпизодов присвоения имущества к эпизодам уничтожения имущества

1—5, контроль — 17,2%). В большинстве случаев привнесения и их комментарии носили адекватный характер (в группе 3 адекватными были лишь около 40% привнесенных образов). В целом мышление подростков-правонарушителей отличалось последовательностью, операции сравнения были сохранены (69,6%, 79,2%, 52,9%, 64,8%, 75,9% по группам 1—5), операции обобщения выполнялись успешно, отмечались некоторая неравномерность (21,4%, 25,0%, 23,5%, 19,4%, 10,8% по группам 1—5), редко — использование формальных признаков (3,6% в группе 1, 5,4% в группе 5, при уровне 7,8% в контрольной группе), личных предпочтений (16,1%, 8,3%, 5,9%, 0,0%, 10,8% по группам 1—5 соответственно, в контрольной группе — 11,6%). Большинство подростков справлялись с трактовкой условного смысла иносказательных выражений (ожидаемо хуже всех справлялись в группе 3, где показатель составил 52,9%).

Завышенная самооценка преобладала в группах 1 и 2 (26,8%, 25,0%), что в целом свойственно психопатическим личностям. Заниженная самооценка встречалась в группах 1, 2 и 3. В группах 1 и 2 она сочеталась с субдепрессией, обусловленной задержанием, помещением в воспитательное учреждение, приют. Связь показателей патопсихологического профиля с криминальным поведением отражена в табл. 5.

Выраженный отказ от выполнения социальных требований наблюдался в группах 1—3 (64,6%, 58,3%, 41,2% по группам). В группах 4 и 5 этот показатель был существенно ниже (28,1%*, 16,2%* по группам).

Личностные особенности несовершеннолетних правонарушителей включали: демонстративность (у 37,5%, 41,7%, 5,8%*, 21,4%, 13,5%* по группам 1—5), эгоизм (66,4%*, 54,2%, 23,5%, 28,6%, 10,8%* по группам 1—5), раздражительность (39,3%, 66,7%, 47,1%, 38,1%, 13,5%* по группам), обидчивость (21,4%, 37,5%, 29,4%, 26,2%, 14,5% по группам 1—5), склонность к внешнеобвиняющим установкам (46,4%, 54,2%, 41,2%, 33,3%, 16,2%*). Склонность к доминированию обнаруживалась в основном в группах 1 и 2 (39,3%* и 29,2%*).

Были выявлены высокие показатели агрессивности и нарушений волевых функций, в частности — прогноза, произвольного контроля.

Подавляющее большинство подростков прибегали к тем или иным одурманивающим средствам: 70,0% регулярно употребляют алкоголь, прежде всего пиво и «слабоалкогольные» коктейли, но нередко водку и даже самогон. У половины подростков, употребляющих алкоголь с 7—8 лет, к 13—14 годам формируется зависимость от алкоголя, соответствующая I—II стадиям алкоголизма. Опыт применения каннабиоидов имели 12,5%, других наркотиков — еще меньшее число по-

Мотивация правонарушений у подростков и взрослых (%)

Таблица 4

Факторы	КМ	ЛО	ЛН	А	ПА	П
Группа 1	83,9	5,5^	8,9	39,3	57,1*	14,2
Группа 2	70,8	16,7	12,5	33,3	27,5	16,7
Группа 3	82,3	5,9^	5,9^	23,5	17,6	58,8*
Группа 4	73,8	14,3	23,8	30,1	14,3	21,4
Группа 5	70,2	5,4^	13,5	13,5	18,9	16,2
Взрослые с расстройствами личности	48,4	6,5^	41,9	48,4	64,5*	12,9

Примечание. * — достоверное ($t \geq 2$, $P < 0,05$) превышение показателей других групп; ^ — достоверно более низкие показатели; КМ — корыстные мотивы, ЛО — личные отношения, условия, ЛН — личная неприязнь, А — аффектогенные, ПА — психопатическая актуализация, П — подчиняемость [1, 2]

Связь показателей психологического профиля и криминальной активности подростков (%)

Таблица 5

Факторы	Группы					Контроль
	1	2	3	4	5	
Личностная незрелость	55,4	58,3	41,2	42,8	18,9^	—
Выраженный инфантилизм	12,5	20,8	11,8	7,1	2,5^	—
Диссоциальность	64,6*	58,3	41,2	28,1	16,2^	—
Эгоизм	66,4*	54,2	23,5	28,6	10,8^	—
Подростки — подчиненные в группе	12,5	16,7	58,8*	16,7	10,8	0^
Подростки совершают преступления	60,7*	33,3	88,2*	54,8	29,7	0^

Примечание. * — достоверное ($t \geq 2$, $P < 0,05$) превышение показателей других групп; ^ — достоверно более низкие показатели

дростков. Напротив, прием токсических средств (клея, газа, ацетона, бензина, летучих растворителей) очень широко распространен — 71,4% несовершеннолетних имели опыт в использовании этих веществ, половина из них ежедневно принимали токсические препараты. Практически все подростки курят.

Обсуждение и выводы

На клинико-психопатологическом уровне отмечалось усугубление картины психических расстройств с возрастом. Наблюдались два основных сценария криминализации поведения.

У подростков с патологической органической почвой (группа 4) на фоне регулярного приема алкоголя и токсических веществ отмечался прогресс органической симптоматики — от самых легких, астено-вегетативных симптомов до глубоких мнестических, аффективных, когнитивных нарушений. Процесс формирования психоорганического синдрома протекал в среднем 3—4 года. На фоне приема суррогатов алкоголя и летучих растворителей возникали судорожные припадки (8,9% подростков) и кратковременные интоксикационные психотические эпизоды (12,5% подростков). По мере взросления все более выраженными становились поведенческие нарушения — аффективные (особенно — дисфорические) реакции, снижение памяти, волевые нарушения, эпизоды немотивированного агрессивного поведения. Каждый третий подросток в этой группе совершал аутоагрессивные действия, в том числе 16,1% — суицидальные попытки; две трети демонстрировали признаки физической агрессии, направленной на неживые предметы (автомобили, стекла киосков, зданий, автобусные остановки, лифты). Сходное развитие претерпевали и подростки из группы 3, однако их отличало еще большее усугубление когнитивного дефицита. Криминальная активность среди несовершеннолетних с доминирующими органическими и когнитивными расстройствами приобретала спорадический характер, часто криминальные действия совершались в связи с явной переоценкой своих возможностей, вследствие провокации со стороны сверстников, также наблюдалось общее размытие грани между допустимым и противоправным поведением, в силу чего криминальные акты совершались как нечто само собой разумеющееся, и носили отчетливо brutальный характер.

Для подростков с исходным аномально-личностным радикалом и здоровых вначале было характерно дистанцирование от семьи и школы, смена микросоциального окружения. Неблагоприятная семейная обстановка заставляла подростков уходить из дома, а спустя некоторое время они становились членами криминальных группировок, где выполняли задания старших, воровали, получали опыт в использовании токсических веществ. На следующем этапе ведущим становился фактор асоциального окружения. Подростки боролись за

места в иерархии криминальных групп, что заставляло их полностью погружаться в криминальную среду, их контакты с семьей сокращались до минимума, они уезжали в крупные города, где жили на вокзалах и чердаках, промышляя воровством и грабежами, попрошайничали, иногда занимались проституцией. Внутри криминальных групп они находили покровительство, усваивали неписанные законы криминальной жизни. Постепенно происходило развитие личности по асоциальному типу, возникали и закреплялись стойкие аномальные поведенческие стереотипы. Возможности внутренних компенсаторных механизмов и воспитательно-коррекционного влияния к этому времени исчерпывались, завершалось формирование расстройства личности, преимущественно с доминирующим истерическим, импульсивным или смешанным радикалом и выраженной социальной дезадаптацией.

Таким образом, представляется возможным говорить о двух основных формах дезадаптации среди подростков-правонарушителей: «когнитивно-органическом» и «социально-психопатическом» [5]. В развитии первого типа дезадаптации ведущую роль играют исходные церебрально-органические альтернативные механизмы, на которые накладываются неблагоприятные обстоятельства развития, аномалии микроокружения, семейная и педагогическая депривация. Успешной профилактике криминального поведения в данной группе могли бы способствовать раннее изъятие из неблагополучной семьи, воспитание в условиях семейного патроната, семейного детского дома, своевременная психофармакологическая патогенетическая терапия. В развитии второго типа дезадаптации основное значение имеют конституциональные психопатические черты, которые в совокупности с присущими периоду полового созревания эмоциональной лабильностью и склонностью к аффективным реакциям, эгоцентризмом и необходимостью самоутверждения, эмансипации, поиска собственного пути, своей роли, накладываются на неблагоприятные средовые факторы и ведут к формированию аномального (криминального) поведенческого стереотипа, идентифицируемого в дальнейшем в качестве неотъемлемой части личности, самости «Я». Профилактика криминального поведения в этой группе должна опираться на предоставление возможностей для личностного роста (гуманистические направления психотерапии, тренинги, ориентированные на развитие личностных качеств, реализацию интеллектуального потенциала, психолого-педагогические средства воспитания и коррекции, включая творчество). В обоих случаях работа с подростками более успешна при задействовании полипрофессиональных бригад специалистов социальных практик в составе врача-психиатра, психологов, педагогических и социальных работников, сотрудников правоохранительных органов, ориентированных на правовую поддержку несовершеннолетних.

Список литературы

1. Гульдан В.В. Значение особенностей мотивации противоправного поведения при решении вопроса о вменяемости при психопатиях // Проблемы вменяемости в судебной психиатрии. — М.: Изд-во ЦНИИСП им. В.П. Сербского, 1983. — С. 55—64.
2. Гульдан В.В. Мотивация преступного поведения психопатических личностей. // Криминальная мотивация. — М.: Наука, 1986. — С. 189—250.
3. Гурьева В.А., Макушкин Е.В. Судебно-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних // Руководство по судебной психиатрии / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Б.В. Шостаковича, А.А. Ткаченко. — М.: Медицина, 2004. — С. 139—156.
4. МКБ-10. Классификация психических и поведенческих расстройств. Исследовательские диагностические критерии. — Женева: ВОЗ, 1997. — 208 с.
5. Пережогин Л.О. Систематика и коррекция психических расстройств у несовершеннолетних с безнадзорностью и криминальной активностью: Монография. — М.: ФГНУ «ЦПВиСППДМ», 2009. — 288 с.
6. Смуглевич А.Б. Расстройства личности. — М.: МИА, 2007. — 192 с.
7. Шостакович Б.В., Горинов В.В., Пережогин Л.О. Способ диагностики степени выраженности волевых расстройств в судебно-психиатрической клинике // Социальная и клиническая психиатрия. — 2000. — №3. — С. 42—48.
8. Blair J., Mitchell D., Blair K. Emotion and the brain // The psychopath. — NY, 2005. — 290 p.
9. Torgersen S. Textbook of Personality Disorders / Ed. by Oldham J.M. // Epidemiology. — London, 2005. — P. 129—141.

Personality disorders in criminal adolescents as a forecast index for criminal activity

PEREZHOGIN L.O. Serbsky research Center for social and forensic psychiatry

In the paper described a pathogenesis of criminal behavior in adolescents with personality disorders. Make description of psychopathological and pathopsychological peculiarities of adolescents with personality disorders, stages of development of abnormal personality structure, steps of origin of steady criminal behavior.

Key words: children, adolescents, criminal behavior, personality disorders, social adaptation, abnormal behavior